

Лондон,
январь 1889

— Мы бы не оказались в столь прискорбном положении, если бы ты не попытался силой упрятать ее в пансион! — воскликнул высокий молодой человек, меряя шагами клубную комнату. У него были резкие, острые черты лица, и оно казалось чуть ли не болезненно худым. В блестящих черных ботинках, черных брюках и черном фраке с фалдами он напоминал черную цаплю.

— Любезный мой брат, — произнес взрослый грузный джентльмен с кустистыми бровями, уютно устроившийся в глубоком кресле, обитом марокеном¹. — Тебе не присуща подобная озлобленность. — Он был настроен благодушно, поскольку это был его клуб; кроме того, они рас-

¹ Марокен — кожа с тиснением. (Прим. ред.)

положились в отдельной комнате для личных бесед, и ему не терпелось вонзить зубы в превосходный ростбиф, который обещали подать на ужин. Он спокойно продолжил: — Нельзя отрицать, что глупая девчонка осталась одна в большом городе, где ее могут обокрасть, оставить без средств к существованию или, что печальнее всего, лишить невинности... Но ты не должен позволить чувствам взять над тобой верх, дорогой брат.

— Это еще почему? — Худощавый молодой человек бросил свирепый взгляд на своего собеседника. — Она же наша сестра!

— А вторая пропавшая — наша мать, и что с того? Разве ты отыщешь их быстрее, если будешь суетиться, как лисья гончая в начале охоты? Хочется обвинить кого-нибудь в произошедшем? — добавил полный господин, сложив руки на округлом животе, затянутом в шелковый жилет. — Направь свой гнев на матушку. — Прирожденный логик, он тут же взялся за перечисление причин: — Именно она позволила нашей сестре бегать по лесу в бриджах и разъезжать на велосипеде по сельским тропинкам вместо того, чтобы обучаться правилам поведения в гостиных. Именно она целыми днями рисовала букеты, пока наша сестра ла-

зала по деревьям. Именно она присвоила средства, выданные мною на гувернантку, учителя танцев, изящные женственные платья и прочие блага для юной леди. Именно она бросила дочь на произвол судьбы.

— В ее четырнадцатый день рождения, — пробормотал худощавый.

— Какая разница — в день рождения или в какой другой день! — отмахнулся грузный джентльмен. Он уже начал уставать от этого разговора. — Мать увиливалась от ответственности, а затем и вовсе от нее сбежала, и...

— ...и ты надавил на несчастную девочку, совершенно разбитую предательством матери, приказав ей покинуть родные места, лучше которых она не знала, разрушив ее представления о мире...

— Пойми, иного разумного способа сделать из нее хотя бы подобие достойной юной леди не было! — нетерпеливо перебил его старший брат. — Уж ты-то должен понимать мою логику...

— Логика — это еще не все.

— Впервые слышу от тебя подобное заявление! — восхликал грузный джентльмен и подался вперед, опустив на паркет ноги в ботинках

и безупречно чистых гетрах. Его благодушие как рукой сняло. — Почему ты так сильно взволнован и переполнен эмоциями? Чем поиски взбунтовавшейся младшей сестры отличаются от других незначительных дел...

— Тем, что она наша сестра!

— Однако совсем юная, и ты виделся с ней всего два раза.

Высокий, похожий на ястреба молодой человек перестал мерить шагами комнату и остановился:

— И одного было бы достаточно.

Его резкий высокий голос стал мягким и размежеванным, но на брата он даже не взглянул. Он смотрел невидящим взглядом на обитые дубовыми панелями стены клубной комнаты и, очевидно, мысленно уносился в иное место, в другой день.

— Она напоминает мне меня самого, когда я был еще юнцом, который никуда не вписывался, — неловким, глуповатым, с чересчур крупным носом и подбородком...

— Вздор! — грубо оборвал его старший брат. — Чепуха! Она женского пола. Ее интеллект уступает нашему, она нуждается в защите... Ни о каком сравнении и речи быть не

может. — Он нахмурился и заставил себя говорить спокойно, словно чиновник, готовый взять дело в свои руки. — Так или иначе, обсуждение прошедших событий ни к чему не приведет; сейчас нас должен занимать лишь один вопрос: как ее найти?

Высокий молодой человек усилием воли заставил себя вернуться к реальности, и старший брат ощущил на себе проницательный взгляд его зеленых глаз.

— У меня есть идея, — сказал младший после недолгой паузы.

— Меньшего я от тебя и не ждал. Поделишься со мной?

Тишина.

Грузный джентльмен откинулся на спинку кресла и натянуто улыбнулся:

— Не можешь обойтись без покрываала тайны, а, Шерлок?

Великий сыщик пожал плечами и холодно ответил:

— Сейчас нет смысла обсуждать с тобой мои планы, любезный Майкрофт. Если мне потребуется помочь, я непременно тебя позову, не сомневайся.

— Зачем же ты пришел ко мне сегодня?

— Чтобы высказать все, что у меня на уме.

— На уме или на душе, мой дорогой Шерлок? Пожалуй, тебе не помешало бы упорядочить мыслительные процессы. Ты пал жертвой своих тревог. Ты взвинчен до предела.

— Уж лучше быть взвинченным до предела, чем совсем ничего не чувствовать, — мрачно ответил Шерлок Холмс, взял свою шляпу, перчатки и трость и повернулся к двери. — Спокойной ночи, Майкрофт.

— Желаю успеха в выполнении твоих планов, мой дорогой Шерлок. Доброй ночи.

Глава первая

Я взяла карточку с серебряного подноса и ошеломленно на нее посмотрела. На всякий случай, чтобы убедиться, что глаза меня не обманули, я прочла вслух:

— Доктор Джон Ватсон, врач.

Разве можно поверить в то, что именно он — первый клиент только-только открывшегося в январе тысяча восемьсот восемьдесят девятого года бюро научного искателя, единственного в Лондоне... Да что там — во всем мире!

Доктор Джон Ватсон? Джон — имя довольно распространенное, а вот Ватсон... При этом еще и врач. Я понимала, что совпадения быть не может, но все равно отказывалась в это верить.

— Это тот, о ком я думаю, Джодди?

— А мне почем знать, миледи?

Я закатила глаза:

— Джодди, я же просила называть меня мисс Месхол. Мисс Месхол.

Впрочем, чего еще ожидать от мальчика, которому мама дала имя Джодхпур (в церковный реестр его ошибочно записали как Джодпера) — в честь бриджей для верховой езды?² Что благородного она нашла в этом слове? Джодди так восхищали оборки и пышные рукава на моем платье, что он обращался ко мне не иначе как «миледи», но я постоянно его поправляла, поскольку боялась неловких вопросов посторонних. Мне было нужно, чтобы Джодди продолжал мной восторгаться, поскольку благодаря этому он не замечал, что на самом деле я не намного его старше, но при этом чтобы он перестал называть меня «миледи».

Я взяла себя в руки и, стараясь по мере сил скрыть свой благородный акцент, добавила:

— Ты сообщил джентльмену, что доктора Рагостина нет на месте?

² Джодхпуры — длинные, достаточно свободные штаны для верховой езды. (Прим. ред.)

— Да, миледи. То есть да, мисс Месхол.

На вывеске на двери бюро значилось имя доктора Лесли Т. Рагостина, поскольку учёный — это всегда мужчина. Но ни один клиент никогда бы его не дождался — ведь этот достойный доктор наук существовал лишь в моем воображении да еще разве что на визитных карточках и листовках, которые я расклеила и разбросала по всем магазинчикам, лавкам, фруктовым ларькам и лекториям.

— Тогда пригласи доктора Ватсона ко мне в кабинет — возможно, я смогу ему чем-то помочь.

Джодди выбежал за дверь. Манеры его не были изящными, зато внешность — вполне. Он ходил в униформе на пуговицах, с вышивкой на манжетах и брюках, в белых перчатках и полосатой шляпе, больше похожей на слоеный тортик... А что в этом такого? Многие униформы выглядят крайне нелепо.

Как только он скрылся из виду, я откинулась на спинку стула. Колени у меня тряслись так, что шелковые нижние юбки громко шуршали. Нет, надо собраться. Я сделала глубокий вдох, прикрыла глаза и попыталась вспомнить мамино лицо. Мне показалось,